

Библиотека Всемирной Литературы

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

Трое в одной лодке, не считая собаки.
Трое на четырех колесах. Рассказы

Джером Клапка Джером Мир сцены

OCR: NVE, 2000

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160365

Аннотация

Неувядающее остроумие великого английского юмориста Джерома К. Джерома (1859–1927) доставит немало радостных, светлых минут и современному читателю.

Содержание

ГЕРОЙ	4
ЗЛОДЕЙ	12
ГЕРОИНЯ	19
АДВОКАТ	25
РЕБЕНОК	32
КРЕСТЬЯНЕ	40
СТАРИЧОК	46

Джером Клапка Джером

Мир сцены

ГЕРОЙ

Чаще всего имя его – Джордж.

– Называй меня Джорджем! – просит он героиню.

Она называет его Джорджем (очень тихо, ведь она так молода и застенчива).

Он счастлив.

Театральный герой постоянно бездельничает. Он слоняется по сцене и ввязывается в неприятности. Цель его жизни – попасть под суд за преступления, которых он не совершал; он считает, что день прожит не зря, если удастся напустить туману в происшествие, и все без разговоров признают его убийцей.

Театральный герой – отличный оратор, от его красноречия даже у самого мужественного человека душа уходит в пятки. Когда герой поучает злодея, это великолепное зрелище!

Каждый театральный герой владеет «имением», которое примечательно высокой культурой хозяйства и хитроумной планировкой «помещичьего дома». Обыкновенно дом одноэтажный, но хоть он маленький и неудобный, в раститель-

ности вокруг веранды недостатка не ощущается. Обитатели соседней деревни, по всей видимости, избрали сад перед домом героя своим постоянным местом жительства – в этом основной порок усадьбы с нашей точки зрения; но герой доволен, ибо он обрел слушателей для речей, которые приносит с парадного крыльца – это его любимое занятие.

Обычно как раз напротив дома – кабачок. Это удобно. От «имения» герою одно беспокойство. Делец он неважный, сразу видно: только попробует вести хозяйство самостоятельно, так сразу в пух и прах разоряется. Правда, обычно уже в первом действии злодей отбирает у него «имение» и таким образом избавляет его от дальнейших хлопот почти до конца пьесы, но потом ему опять приходится надевать хомут.

Справедливость требует извинить героя за то, что он, бедняга, то и дело теряет голову и совершает юридические и всякие другие ошибки. Может быть, «законы» в пьесах – это еще и не самая страшная и непостижимая тайна вселенной, но они от нее очень, очень недалеки. Было время, когда мы льстили себя надеждой, что чуточку – самую малость – смыслим в писанных и неписанных законах, но, разобрав с этой точки зрения одну-две пьесы, мы поняли, что тут мм – несмышленные дети.

Мы решили не ударить в грязь лицом и добраться до сути театральной юриспруденции. Потрудились около полугода и, наконец, почувствовали, что наш мозг (как правило, действующий безотказно) начал размягчаться; тогда мы прекра-

тили занятия, полагая, что в конце концов дешевле обойдется, если мы назначим приличную премию, скажем, в пятьдесят или шестьдесят тысяч фунтов стерлингов за толковые пояснения. До сих пор на премию никто не претендовал, так что предложение остается в силе.

Правда, недавно хотел нам помочь один джентльмен; мы выслушали его трактовку и еще больше запутались. Он заявил, что ему все совершенно ясно и его – он так прямо и сказал – поражает наша тупость. Потом оказалось, что он удрал из психиатрической лечебницы.

Из всего свода театральных законов вот что нам удалось уяснить.

Если человек умирает, не оставив завещания, то все его имущество переходит к первому попавшемуся злодею.

Но если человек умирает и оставляет завещание, тогда все его имущество переходит к любому лицу, сумевшему завладеть этим завещанием.

Случайная утеря брачного свидетельства стоимостью в три с половиной шиллинга влечет за собой расторжение брака.

Чтобы осудить безукоризненно честного джентльмена за преступления, о которых он в жизни не помышлял, достаточно показаний одного злонамеренного персонажа с сомнительным прошлым. Спустя много лет эти показания могут быть опровергнуты и обвинение снято без суда и следствия на основании одного лишь голословного заявления комика.

Если некий А. подделывает на чеке подпись Б., то по законам сцены Б. приговаривается к десяти годам каторжных работ.

Предупреждения за десять минут достаточно, чтобы अनुлировать закладную.

Все судебные процессы происходят в гостиной обвиняемого, причем злодей действует сразу за адвоката, судью и присяжных заседателей и командует парочкой полицейских, которым ведено во всем ему подчиняться.

Таковы некоторые из наиболее важных юридических положений, ныне действующих на сцене. Однако с каждой новой пьесой появляются новые постановления, статьи и поправки, так что мы потеряли всякую надежду как следует разобраться в этом вопросе.

Что до нашего героя, то он, конечно, теряется перед подобными законами, и злодей – единственный смыслящий в них персонаж – легко вытягивает у него денежки и пускает его по миру. Простодушный герой подписывает векселя, закладные, дарственные и тому подобные документы, воображая, что играет в бирюльки; потом оказывается, что он не в состоянии уплатить проценты; у него отбирают жену и детей и выгоняют его из дому на все четыре стороны.

Теперь он вынужден в меру своих сил добывать себе на пропитание и, разумеется, чуть ноги волочит с голоду.

Герой умеет произнести длинную речь, поплакаться о своих неприятностях, встать в красивую позу на авансцене, из-

бить злодея, наплевать на полицию, но все это не в ходу на рынке рабочей силы, а больше делать он ничего не умеет и не любит; тут он начинает понимать, как трудно заработать на жизнь. И все-то ему подворачивается слишком тяжелая работа. Махнув рукой на поиски подходящего занятия, он садится на шею добреньким, стареньким ирландкам и щедрым, но слабоумным молодым ремесленникам, которые покинули свои родные края, чтобы последовать за героем и наслаждаться его обществом и поучительными беседами.

Вот так, проклиная судьбу, негодуя на человечество и оплакивая свои несчастья, герой и влачит свое существование через всю середину пьесы вплоть до последнего акта.

Тут он опять становится владельцем своего «имения» и может катить в деревню, читать нравоученья и блаженствовать.

Нравоучения – это его конек, их запасы у него неисчислимы. Он надут благородными мыслями, как мыльный пузырь – воздухом. Подобные же бледные, расплывчатые идеи проповедуют на благочестивых собраниях (шесть пенсов за вход). Нас преследует мысль, что где-то мы их уже слышали. В памяти всплывает длинный мрачный класс, давящая тишина, которую изредка нарушает скрип стальных перьев и шепот: «Дай конфетку, Билл. Я ведь с тобой дружу!», или погромче: «Сэр, пусть Джимми Баглс не толкается!»

Но герой считает свои изречения алмазами, только что извлеченными из философских копей. Галерка их бурно одоб-

ряет. Галерочники – добряки, они всегда сердечно встречают старинных друзей.

И потом наставления эти такие добрые, а галерка в Англии так нравственна! На всей земле едва ли найдешь сборище людей, столь порядочных, любящих добродетель, даже когда она глупа и скучна, И ненавидящих пороки в речах и поступках, как наша современная театральная галерка.

По сравнению с галеркой театра «Адельфи» древние христианские мученики кажутся суетными грешниками.

А какой силач театральный герой! С первого взгляда этого не скажешь, но подождем, пока героиня взвизгнет: «На помощь! Спаси меня, Джордж!» – или пока на него нападут полицейские. Тогда он одним махом справляется с двумя злодеями, тремя специально нанятыми хулиганами и четырьмя сыщиками.

Если от одного его удара валится с ног менее трех человек, он в тревоге, что захворал, и размышляет: «Откуда эта странная слабость?»

В любви он признается особым способом. Для этого он всегда встает за спиной любимой. Девушка (будучи, как мы упоминали, робкой и застенчивой) сразу от него отворачивается, а он хватает ее за руки и выдыхает признание ей в спину.

Театральный герой постоянно носит лакированные ботинки безукоризненной чистоты. Временами он богат и занимает комнату с семью дверями, иногда ютится на чердаке,

но лакированные ботинки на нем неизменно. За эти ботинки можно выручить по крайней мере три с половиной шиллинга, и нам кажется, что, вместо того чтобы взывать к небесам, когда его сынок плачет от голода, ему бы следовало стянуть с ног эти ботинки и снести в заклад; герою же это не приходит в голову.

В лакированных ботинках он пересекает африканскую пустыню. На необитаемом острове, где он спасается после кораблекрушения, у него припасены лакированные ботинки. Он вернулся из долгих, трудных странствий; одежда его в лохмотьях, но на ногах новенькие сверкающие ботинки. В лакированных ботинках он скитается по австралийским джунглям, воюет в Египте, а также открывает Северный полюс. Герой бывает золотоискателем, грузчиком, солдатом, матросом, но независимо от рода занятий он носит лакированные ботинки. На лодке он гребет в лакированных ботинках, в них же играет в крикет; на рыбалке и на охоте он в них. В рай он пойдет только в лакированных ботинках, не разрешат – отклонит приглашение.

Герой из пьесы не выражается просто и понятно, как обыкновенный смертный.

– Ты мне будешь писать, да, милый? – спрашивает героиня перед разлукой. Обыкновенный человек ответил бы так:

– Что за вопрос, киска, каждый день.

Но герой пьесы – это высшее существо. Он говорит:

– Любимая, видишь ли ты вон ту звезду?

Героиня взглядывает вверх и признается, что она действительно видит ту звезду; и тогда он с разгону пять минут подряд мелет ерунду насчет этой звезды и заявляет, что лишь тогда перестанет писать, когда сия бледная звезда свалится со своего места на небесном своде.

Что касается нас, то после длительного знакомства с театральными героями нам очень захотелось увидеть героя нового образца. Хорошо бы для разнообразия, чтобы он столько не болтал и не хвастался и в течение хотя бы одного дня мог позаботиться о собственной персоне и не попасть при этом в беду.

ЗЛОДЕЙ

На нем чистый воротничок, в зубах папироса; по этим признакам мы узнаем – злодея. В жизни трудно бывает отличить злодея от порядочного человека, и это приводит к роковым последствиям; на сцене, как мы уже отметили, злодеи носят чистые воротнички и курят папиросы, поэтому ошибки можно не опасаться.

Счастье, что этого правила не придерживаются вне сцены, а то о порядочных людях можно было бы ужас что подумать. Ведь и мы носим чистые воротнички – иногда.

Члены нашей семьи тоже чувствовали бы себя неловко, особенно по воскресеньям.

Находчивостью злодей из пьесы, увы, не отличается. Все положительные персонажи говорят ему грубости и гадости, хлопают его по щекам и унижают напрапалу в течение целого действия, а он не в состоянии ответить надлежащим образом: толкового ответа от него не жди.

– Ха-ха, после дождичка в четверг! – вот самый блистательный ответ, на какой он способен, да и эти слова он обдумывает, предварительно удалившись в уголок.

Карьера театрального злодея всегда легка и головокружительна вплоть до последней минуты каждого действия. Затем он быстро попадает в какую-нибудь неприятность, чаще всего по милости комика. История неизменно повторяется.

Однако злодей всегда бывает ошарашен. По-видимому, уроки не идут ему впрок.

Всего несколько лет назад злодея наделяли стоическим характером, помогавшим ему философски переносить вечные неудачи и капризы судьбы. «Обойдется», – с надеждой говорил он. Этот жизнерадостный человек не терял бодрости духа даже в самых тяжелых обстоятельствах. Он просто, по – детски верил в провидение. «Будет и на моей улице праздник», – утешался он.

Надежда на лучшее будущее, которая выражена в прекрасных словах, приведенных выше, за последнее время оставила его. Очень жаль. Именно эту черту характера мы ценим в нем больше всего.

Любовь злодея к героине поистине величественна в своем постоянстве. Героиня – мрачная и слезливая женщина, к тому же, как правило, она обременена парой самовлюбленных и в высшей степени неприятных детей; что в ней пленительного – нам не ясно; злодей же сходит по ней с ума. В своей любви он непоколебим. Героиня терпеть не может злодея и оскорбляет его порой далеко не по-дамски. Герой врывается и сбивает его с ног, не успеет он дойти до середины объяснения в любви; иногда комик юркнет за кулисы и насплетничает «селянам» или «гостям», как он 'подсмотрел такую вот душеспипательную любовную сцену; те приходят я начинают измываться над злодеем (у злодея, наверное, еще задолго до конца пьесы рождается лютая ненависть к комику).

Несмотря ни на что, он продолжает мечтать о героине и клянется, что она будет ему принадлежать. Он недурен собой, и, судя по состоянию рынка, сколько угодно Других девушек ухватились бы за него; но он готов пройти через самые трудоемкие и изнурительные преступления, готов принять обиды и оскорбления от первого встречного, лишь бы устроиться своим домком с этой унылой особой в качестве жены. Любовь – вдохновляет его. Он грабит и поджигает, подделывает бумаги, убивает, плутует и лжет. Если б нужно было совершить еще какие-нибудь преступления, чтобы завоевать ее, – ради своей милой злодей с наслаждением совершил бы их. Но он просто не знает, чего бы еще натворить, – и все же героиня к нему холодна. Что делать?

Им обоим трудно. Жизнь этой дамы была бы во много раз счастливее, если бы злодей не любил ее так безумно, это ясно даже самому заурядному зрителю, да и у злодея жизненный путь был бы спокойнее и чище, не мешай ему глубокая преданность героине.

Вся загвоздка в том, что он встретил ее в детстве. Впервые узрев ее, когда она была еще ребенком, он полюбил ее «с той минуты и навсегда!» И-ах! – он рад гнуть спину для нее как раб, лишь бы она стала богатой и счастливой. Вероятно, он бы мог даже стать порядочным человеком.

Героиня старается его утешить. Она говорит, что возненавидела его всей душой с первой же минуты, как только этот отвратительный тип попался ей на глаза. Однажды в зловон-

ном болоте она видела мертвую жабу, так вот, прижать к своей груди это скользкое земноводное ей будет куда приятнее, чем хоть на миг ощутить его (злодея) объятия.

Этот нежный лепет героини еще больше распаляет злодея. Он объявляет, что все равно ее завоюет.

В менее серьезных любовных делишках злодею везет ничуть не больше. Доставив себе удовольствие пошутить вышеописанным образом с героиней, истинной дамой его сердца, злодей время от времени пускается в легкий флирт с ее горничной или приятельницей.

Эта горничная или приятельница не теряет попусту времени на сравнения и метафоры. Она обзывает его бессердечным негодяем и дает ему затрещину. За последние годы были попытки несколько подсластить жребий злодея, обреченного на жизнь без любви: в него страстно влюбляется дочь священника. Однако любовь всегда охватывает ее за десять лет до начала пьесы, и к первому действию успевает переродиться в ненависть; таким образом, и в этом направлении судьба злодея едва ли изменилась к лучшему.

Если рассудить здраво, то перемена чувств у этой женщины вполне оправдана. Ведь злодей увез ее совсем молодой из счастливого, мирного отцовского дома в этот ужасный перенаселенный Лондон. И он не женился на ней. У него не было хоть мало-мальски веской причины не жениться. В те времена она безусловно была прелестной девушкой (она и сейчас хороша: пикантная, живая дама), и всякий мужчина

с удовольствием обзавелся бы такой милой супругой и жил бы с нею спокойной, тихой жизнью.

Но в злодея вселился дух противоречия.

Он самым непозволительным образом обращается с этой женщиной, хотя она не подает к этому никакого повода; наоборот, в его интересах быть с нею любезным и сохранять дружеские взаимоотношения, но из упомянутого выше духа противоречия он этого не делает. Беседуя с ней, он хватается за запястья и шипит свою роль ей в ухо; это щекочет и бесит ее.

Снисходителен он к ней только в одном – в вопросах туалетов. В средствах на туалеты он ее не ограничивает.

Злодей на сцене гораздо лучше злодея в жизни. Последний в своих поступках руководствуется лишь корыстными, эгоистическими побуждениями. Злодей из пьесы совершает зло, не стремясь к личным выгодам, а только из любви к этому виду искусства. Само злодейство служит ему наградой. Он упивается им.

– Насколько приятнее быть бедняком и злодеем, чем с чистой совестью владеть всеми сокровищами Индии, – говорит он про себя. Затем он кричит:

– Я буду злодеем! Я зарежу доброго старичка, хоть это мне дорого обойдется и причинит массу хлопот, я засажу героя в тюрьму и, пока он там, стану соблазнять его жену! Трудное будет дело, риску хоть отбавляй и выгоды никакой. Приду к героине в гости – она осыплет меня оскорблениями и ярост-

но толкнет в грудь, как только я к ней приближусь. Ее злокудрое дитя скажет, – что я нехороший дядя, и, возможно, не захочет даже меня поцеловать. Потом комик посрамит меня в своих куплетах, а селяне возьмут себе выходной день и начнут разгуливать около трактира и гикать и улюлюкать при моем появлении. Всем ясно, какой я злодей и в самом конце меня схватят. Так всегда бывает. Но все равно я буду злодеем, ха-ха!

В целом у злодея на сцене незавидное положение. У него самого никогда нет ни денег, ни «имения», и единственная возможность разбогатеть – это обобрать героя. Он любвеобилен, но, не имея собственной жены, вынужден строить куры чужим женам; ему не платят взаимностью, и поэтому все кончается самым печальным для него образом.

Тщательно обдумав жизнь (на сцене) и природу человека (на сцене), мы решили дать следующие советы злодеям из пьес:

Если только вы можете избежать этой участи, постарайтесь не стать злодеем. Жизнь злодея слишком полна треволнений, затраченная энергия и риск не окупаются.

Если вы похитили дочь священника и она все еще цепляется за вас, не швыряйте ее на пол посередине сцены и не обзывайте черными словами. Это раздражает; она вас невзлюбит и постарается восстановить против вас ту, другую.

Не набирайте себе слишком много сообщников; а уж если таковые у вас есть, то прекратите брань и издевательства над

ними. Одного их слова достаточно, чтобы вас повесили, а вы как нарочно стараетесь их обозлить. Обращайтесь с ними вежливо и по-честному делите добычу.

Берегитесь комика. Закалывая человека или грабя сейф, вы почему-то никогда даже не обернетесь посмотреть, нет ли поблизости комика. Это непредусмотрительно. Пожалуй, лучше всего – убейте комика в самом начале пьесы.

Не влюбляйтесь в жену героя. Вы ей не нравитесь, и она не ответит на ваши чувства. Кроме того, ведь это непристойно. Почему бы вам не завести собственную жену?

И, наконец, не ходите в последнем действии на то место, где вы совершили преступление. Вечно вас туда тянет. Наверное, вас привлекает дешевизна этой экскурсии. Наш совет: поостерегайтесь. Всегда вас хватают именно там. Полицейские по опыту знают эту вашу привычку. Они не ломают себе голову, а попросту отправляются в последнем действии в старинный зал или к развалинам мельницы, где было совершено злодеяние, и ждут вашего прихода.

Бросить бы вам этот идиотский обычай – ив девяти случаях из десяти вы бы вышли сухим из воды. Итак, держитесь подальше от места преступления. Уезжайте за границу или на курорт в начале последнего действия и поживите там – пока оно не окончится. Тогда вы спасены.

ГЕРОИНЯ

У нее всегда беспросветное горе, и уж она не упустит случая сообщить вам об этом.

Слов нет, тяжелая у нее жизнь. Все как-то не ладится. И у нас с вами бывают невзгоды, но у театральной героини не бывает ничего другого. Выкроить бы ей в неделю хоть полденька без несчастий или освободиться от них на воскресенье – она бы немножко вздохнула.

Но нет, несчастья не отпускают ее ни на шаг с первого до последнего дня недели.

Мужа героини посадили в тюрьму за убийство (это самая меньшая неприятность, какая может с ним приключиться); убеленный сединами отец обанкротился и умер от горя; дом, где проведено детство, пошел с молотка, – и в довершение всего дитя героини подхватило где-то затяжную лихорадку. Все свои страдания бедняжка приправляет обильными слезами, что на наш взгляд вполне закономерно.

Но на зрителей это производит гнетущее впечатление, так что к концу спектакля просто молишь бога, чтобы на нее не валилось столько бед. Слезы героиня проливает главным образом над ребенком. Ребенок постоянно находится в сырости. Удивительно, почему он не хворает ревматизмом.

Добродетельна театральная героиня до чрезвычайности! Комик провозглашает ее ангелом во плоти. В ответ героиня

укоризненно улыбается сквозь слезы (улыбаться без слез она не умеет).

– Ах, что вы, – произносит она (печально, разумеется), – у меня много, очень много недостатков.

Хотелось бы, чтобы она свои недостатки побольше проявляла. А то уж слишком она хорошая, это как-то подавляет. Как посмотришь на героиню, так и радуешься, что вне сцены добродетельных женщин не так уж много. Жизнь и без того нелегкая штука, а если бы добродетельных женщин вроде театральной героини было больше, она стала бы совсем невыносимой. Единственная радость в жизни героини – это прогуляться в метель без зонтика и без шляпы. Мы знаем, что шляпка у нее есть (весьма элегантная вещичка); мы заметили ее на гвозде за дверью в комнате у героини; но, отправляясь погулять ночью во время метели (сопровождаясь громом), героиня всегда заботливо оставляет ее дома. Наверное, ее беспокоит, как бы шляпка не испортилась от снега, а она женщина аккуратная.

Всякий раз она берет с собой ребенка. По ее мнению, метель действует освежающе. Ребенок не согласен с этой точкой зрения. Он заявляет, что ему холодно.

Портит ей удовольствие во время таких прогулок только снег: всякий раз подстережет и гоняется за ней по пятам. Нет героини на сцене – стоит дивный вечер; но вот она выходит на порог – и сразу же поднимается вьюга. Снег валит все время, пока она на сцене; не успеет она уйти, как опять установ-

ливается ясная погода, которая и держится до конца представления. Распределение снега по отношению к этой бедной даме крайне несправедливо. Наиболее густой снег идет именно в той части улицы, где устроилась посидеть героиня. Нередко героиня усаживается в самой гуще снегопада, а в это время на другой стороне улицы сухо, как в пустыне. Перейти дорогу героине почему-то никогда не приходит в голову. Однажды необычайно злостный снежный вихрь, преследуя героиню, сделал три круга по сцене и, наконец, вместе с ней удалился (направо).

От такой метели, ясное дело, не убережешься. Театральная метель готова подняться за вами по лестнице и нырнуть вместе с вами под одеяло.

У театрального снегопада есть еще одна странность: все время сквозь снег светит луна. Светит она только на героиню и следует за ней по пятам вместе с метелью.

Только люди, знакомые с театром, способны постичь, что это за изумительное произведение природы – луна. Слегка знакомит вас с луной астрономия, но, сходяв всего несколько раз в театр, вы узнаете о ней гораздо больше. Тут вы обнаружите, что луна шлет свои лучи только на героев и героинь, да изредка посветит на комика; с появлением злодея она моментально закатывается.

Театральная луна закатывается поразительно быстро. Вот она еще плывет во всей своей красе по безоблачному небу, и вдруг, не успеешь оглянуться, ее уже нет. Будто повернули

выключатель. Даже голова кружится, пока не привыкнешь.

Нрав у героини скорее задумчивый, чем веселый.

Она веселится, воображая, что перед ней дух матери или призрак отца, или вспоминая своего усопшего малютку. Но так бывает только в самые радостные минуты. Обычно же рыдания отнимают у нее уйму времени, и ей некогда предаваться столь легкомысленным размышлениям.

Говорит она красноречиво, причем уснащает свою речь замечательными метафорами и сравнениями, – не очень изящными, но зато убедительными, – в нормальных условиях такую жену не стерпеть. Но герой на некоторое время избавляется от этой опасности, которая безусловно постигла бы менее удачливого жениха: в день свадьбы его обыкновенно приговаривают к десяти годам каторги.

У героини бывает брат, и все всегда думают, что он ее любовник. В жизни трудно встретить брата и сестру, которые дали бы повод самому недоверчивому человеку принять их за любовников. Но зато на сцене брат и сестра до того нежничают, что ошибиться не мудрено.

И вот произошла ошибка: вбегает супруг, застаёт их во время поцелуя и приходит в бешенство; героиня и не думает обернуться и сказать:

– Что ты, дурачок, ведь это мой брат!

Кажется, просто и разумно, но театральной героине это не по душе. Нет, она изо всех сил продолжает вводить всех в заблуждение, что дает ей возможность погоревать втихомолку.

Погоревать – вот это она обожает.

Замужество театральной героини следует считать неудачным. Если бы ей вовремя дали хороший совет, она осталась бы в девушках. Правда, у мужа героини самые благие намерения. И он любит ее, это ясно. Однако в мирских делах он профан и неудачник. Хоть пьеса и кончается благополучно, но мы все-таки не советуем героине рассчитывать, что это счастье надолго. Судя по поведению и деловым качествам героя на протяжении пяти действий, мы склонны усомниться, способен ли он в дальнейшем стать чем-нибудь получше, чем несчастным горемыкой. В конце концов ему возвращают «права» (которых он бы не потерял, будь у него на плечах голова, а не котелок с возвышенными мыслями), злодей закован в цепи, и герой с героиней поселяются в уютном доме по соседству с домом комика.

Но это неземное блаженство быстро кончится. Театральный герой создан для горькой доли, и можно поспорить, что и месяца не пройдет, как снова грянет беда. Ему подсунут еще одну закладную на «имение»; а потом, помяните наши слова, он забудет, подписывал он эту бумагу или нет, – вот и наступил конец счастью.

Он начнет, не глядя, ставить свою подпись на всевозможных документах, и одному богу известно, в какую еще историю он впутается; тут приедет еще одна жена: оказывается, он обвенчался с ней ребенком и совсем о ней забыл. Потом в деревне обнаружат очередного мертвеца, герой и тут вя-

жется – вот увидите – и устроит так, что его обвинят в убийстве, и все начнется сначала.

Нет, мы бы посоветовали героине поскорее отделаться от героя, выйти замуж за злодея и уехать на жительство за границу, в такое место, куда комик не явится валять дурака.

Вот тогда она заживет припеваючи.

АДВОКАТ

Очень старый, очень высокий и очень худой. Седые волосы. Костюм самый допотопный, какой только можно вообразить. Густые нависшие брови и гладко выбритое лицо. Подбородок, должно быть, сильно чешется, так как он постоянно скребет его. Любимое восклицание: «Тэк-с, тэк-с!..»

В жизни нам приходилось слышать о разных служителях закона: есть среди них и молодые, и щеголеватые, и невысокие ростом, зато на сцене они неизменно очень худые и очень старые. Помнится, самый юный адвокат, которого мы когда-либо видели на сцене, выглядел лет на шестьдесят, а самый старый лет на сто сорок пять, а то и больше.

Между прочим, определить возраст людей на сцене по их наружности – задача нелегкая. Частенько престарелая дама лет семидесяти оказывается матерью четырнадцатилетнего мальчика, а господин средних лет, муж молодой жены, производит впечатление девяностолетнего старца. Иной раз вам кажется, что перед вами солидная, весьма почтенная, пожилая дама, а потом выясняется, что это нежное, невинное и легкомысленное создание – гордость своей деревни или предмет восторга целого батальона. А необыкновенно тучный, страдающий одышкой старый джентльмен, весь вид которого свидетельствует о том, что последние сорок лет он слишком много ел и слишком мало – упражнял свои муску-

лы, – это не благородный отец, как вы решили, судя по чисто внешним признакам, а безрассудный мальчишка самого необузданного нрава.

Да, как ни странно, у него только два недостатка – молодость и легкомыслие. А задатки у него хорошие, и он, без сомнения, с годами остепенится. Все молодые люди по соседству без ума от него, девушки его обожают.

– Вот он, – говорят они, – дорогой Джек, старина Джек, дружище Джек, Джек – заводила в наших юношеских играх, Джек, своей детской непосредственностью покоряющий сердца. Да здравствует наш танцор Джек, наш весельчак Джек!

С другой стороны, только по мере развития действия вы начинаете понимать, что дама, которой на вид нельзя дать и восемнадцати, – это весьма пожилая особа, мать героя уже довольно зрелого возраста. Опытный знаток сцены никогда не делает поспешных выводов из того, что видит, он ждет, пока ему все растолкуют.

На сцене адвокат никогда не имеет собственной конторы. Он совершает все возложенные на него дела в доме клиента. Он готов проехать сотни миль только для того, чтобы дать своему клиенту юридический совет по самому незначительному поводу.

Ему и в голову не приходит, что проще написать письмо. Сумма «дорожных издержек» в списке его расходов должна быть поистине громадной. Два события в жизни его клиен-

тов доставляют ему особенное удовольствие. Во-первых, когда клиент неожиданно приобретает состояние и, во-вторых, когда он неожиданно его теряет.

В первом случае, узнав приятную новость, адвокат из пьесы бросает все свои дела и спешит в другой конец страны, чтобы сообщить радостную весть. Он появляется в скромном жилище любимца фортуны и вручает слуге визитную карточку, после чего его немедленно приглашают в гостиную. Он входит с таинственным видом и садится слева, клиент – справа. Обыкновенный адвокат в подобных случаях прямо переходит к цели своего визита и в простых, деловых выражениях излагает существо вопроса, начав с того, что он имеет честь выступать от имени и т. д. и т. п.

На сцене адвокат не прибегает к таким наивным приемам. Он смотрит на клиента и говорит:

– У вас был отец.

Клиент вздрагивает. Откуда, черт возьми, этот бесстрастный, одетый в черное, худой старик с пронизательным взглядом знает, что у него был отец?

Клиент пытается увильнуть, запинается, но спокойный и непроницаемый адвокат пронизывает его холодным взглядом, и клиент беспомощен.

Запираться бесполезно.

Удивленный сверх всякой меры, сбитый с толку осведомленностью странного гостя в его самых интимных делах, бедняга признается: да, у него действительно был отец. Адвокат

улыбается спокойной, торжествующей улыбкой, почесывает подбородок и продолжает:

– Если я правильно осведомлен, у вас была также и мать.

Тщетны все попытки ускользнуть от сверхъестественной пронизательности этого человека, и клиент откровенно признается, что и мать у него тоже была. После этого адвокат, словно поверяя величайшую тайну, излагает своему клиенту всю его (клиента) историю, начиная с колыбели, а также историю его ближайших родственников. Словом, не проходит и тридцати, в крайнем случае сорока минут после появления на сцене этого старика, а его клиент уже начинает догадываться в чем дело.

Но поистине счастлив адвокат на сцене, когда его клиент разоряется. Он сам приезжает сообщить о катастрофе (этой приятной обязанности он никому не уступит) и прилагает все усилия к тому, чтобы выбрать самую неподходящую минуту для подобного сообщения. Больше всего он любит появляться в день рожденья старшей дочери, когда дом полон гостей. Он приходит чуть ли не в полночь и наносит удар в тот самый момент, когда все садятся ужинать. У адвоката на сцене нет никакого представления о том, в какое время суток люди занимаются делами. Его единственная забота – доставить им как можно больше неприятностей.

Если ему не удастся сделать свое дело в день рожденья, он ждет свадьбы. В утро венчанья он встает ни свет ни заря и спешит в церковь с намерением во что бы то ни стало нару-

шить церемонию. Появиться среди веселой толпы счастливых людей, гостей и близких, и сокрушить их, в одно мгновение сделать несчастными – что может быть приятней для адвоката на сцене? Он чрезвычайно общителен и, кажется, считает своим профессиональным долгом рассказывать каждому встречному случаи из частной жизни своих клиентов. Его хлебом не корми, только дай ему возможность поболтать с едва знакомыми людьми о вверенных ему семейных тайнах.

На сцене вообще все поверяют свои и чужие секреты совершенно незнакомым людям. Стоит только двоим появиться на пять минут на сцене, как они тут же принимаются рассказывать друг другу историю своей жизни. На сцене слова: «Присядьте, я расскажу вам мою историю», – так же обычны, как: «Зайдем выпьем по рюмочке», – в обыкновенной жизни.

В пьесе всякий порядочный адвокат непременно качал на коленях героиню еще ребенком (мы хотим сказать, когда ребенком была героиня)-тогда она была вот такая, совсем крошка. Это тоже, по-видимому, входит в его профессиональные обязанности. Хорошему адвокату разрешается целовать всех милых девушек в пьесе, а горничных слегка трепать по щечке. Да, хорошо быть хорошим адвокатом на сцене!

Если в пьесе случается что-нибудь печальное, порядочный адвокат смахивает слезу. Он отворачивается, сморкает-

ся и уверяет, что ему в глаз попала муха. Эти трогательные черты его характера всегда находят живой отклик в публике и неизменно вызывают аплодисменты.

На сцене ни один хороший адвокат никогда и ни при каких обстоятельствах не бывает женатым человеком (как полагают наши знакомые замужние дамы, хороший женатый мужчина вообще большая редкость). В молодости он любил мать героини. «Святая была женщина» (за этими словами обычно следует смахивание слезы и возня с носовым платком), теперь она умерла и пребывает в раю, среди ангелов. Между прочим, джентльмен, который стал ее мужем, не совсем уверен в последнем, но адвокат твердо стоит на своем. В драматической литературе легкого жанра личность адвоката представлена иначе. В фарсе это обычно молодой человек. У него собственная квартира и жена (на счет последнего можете не сомневаться). Жена и теща проводят большую часть дня в его конторе, стараясь оживить это мрачное скучное место и превратить его в уютный уголок.

У него только одна клиентка, молодая приятная дама. Правда, ее прошлое весьма сомнительно, да и нынешнее ее поведение небезупречно. И все же эта дама – единственное занятие нашего бедняги, а следовательно, и единственный источник его дохода. Казалось бы, при таких обстоятельствах семья адвоката должна оказывать ей самый радушный прием. Но не тут-то было: жена и теща питают к ней лютую ненависть, так что наш адвокат вынужден прятать свою

клиентку в ведро для угля или запирать ее в несгораемый шкаф всякий раз, как слышит на лестнице знакомые женские шаги.

Не хотелось бы нам стать клиентом такого адвоката. Юридические дела утомляют нервную систему, даже при самых благоприятных обстоятельствах, но если их ведет адвокат из фарса – это, увы, выше наших сил.

РЕБЕНОК

Он такой милый, спокойный, так приветливо с вами разговаривает.

Когда мы бываем у своих семейных друзей, нам приходится сталкиваться с настоящими детьми, такими, какими они бывают в жизни. Ребенка приводят со двора и представляют вам с таким видом, будто знакомство с ним для вас весьма полезно. Он весь в песке, в чем-то липком. Ботинки у него грязные, и он, конечно, вытирает их о ваши новые брюки. А глядя на его волосы, можно подумать, что он стоял на голове в помойке.

Он с вами разговаривает, но не приветливо, – какое там! а скорее, я бы сказал, дерзко.

А вот ребенок на сцене совсем другой. Он чистенький, аккуратненький. Вы можете спокойно трогать его, с него ничего не посыплется. Лицо у него так и блестит от мыла и воды. По рукам его сразу видно, что такие удовольствия, как куличи из глины или деготь, ему незнакомы. А волосы выглядят даже неестественно – такой у них приглаженный и приличный вид. Ботинки у него и то зашнурованы.

Вне театра мне нигде не приходилось встречать таких детей, если не считать одного случая: это было на Тоттенхем-Корт-роуд, он стоял на круглой деревянной подставке перед мастерской портного в костюме за пятнадцать шил-

лингв и девять пенсов.

А я-то в своем невежестве думал, что на свете и нет таких детей, как ребенок на сцене, но, видите, ошибся.

Ребенок на сцене нежен с родителями и нянькой, почтителен с теми, кого ему положено слушаться; как тут не предпочесть его настоящему! Своих родителей он не называет иначе как «милый, дорогой папочка» и «милая, дорогая мамочка», а к няньке всегда обращается «милая нянюшка». Я знаю одно юное создание – самое настоящее, – это мой племянник. Отца своего он величает (за глаза) «старик», а няньку – «старая перечница». И почему не бывает в жизни детей, которые говорят «милая, дорогая мамочка» и «милый, дорогой папочка»?

Во всех отношениях ребенок на сцене стоит выше обыкновенного. Ребенок на сцене не станет как угорелый носиться по дому с пронзительными криками и воплями, так что у всех голова идет кругом.

Ребенок на сцене не проснется в пять часов утра, чтоб поиграть на дудке. Ребенок на сцене не станет изводить вас своим нытьем, требуя, чтобы вы купили ему велосипед. Ребенок на сцене не задаст вам сразу двадцать сложнейших вопросов о вещах, в которых вы мало что смыслите, и не будет потом допытываться, почему вы ничего не знаете и почему вас ничему не научили, когда вы были маленьким.

Ребенок на сцене никогда не протирает штаны до дыр, так что надо ставить заплаты. Ребенок на сцене всегда спускает-

ся с лестницы на ногах.

Ребенок на сцене никогда не притащит домой сразу шестерых товарищей – поиграть в саду в лошадки, – а потом не будет просить, нельзя ли оставить их к чаю. Ребенок на сцене никогда не подцепит коклюш, или корь, или еще какую-нибудь болезнь, которые одна за другой цепляются к детям и надолго укладывают их в постель, так что дом превращается в сущий ад.

Свое назначение в жизни ребенок на сцене видит в том, чтобы терзать свою мать вопросами об отце, которые он всегда задает не вовремя. Когда дом полон гостей, ему непременно нужно узнать, где его «дорогой папочка» и почему он покинул «дорогую мамочку», хотя всем присутствующим известно, что несчастный отец отбывает два года исправительных работ или доживает свои последние дни перед смертной казнью. И всем становится так неловко.

Он всегда над кем-нибудь измывается, этот ребенок на сцене. Так и смотри, как бы он чего не натворил. Расстроив мать, он выискивает какую-нибудь молодую особу с разбитым сердцем, которую только что жестоко разлучили с возлюбленным, и громким фальцетом спрашивает, почему она не выходит замуж; болтает о любви, о семейных радостях, о молодых людях и вообще о вещах, которые способны разбредить раны бедной девушки. И так, пока не доведет ее до отчаяния.

После этого до самого конца пьесы он такое вытворяет,

что все кругом только диву даются. Почтенных старых дев он допрашивает, не хочется ли им иметь детей, лысых стариков – почему они сбрили волосы, а других престарелых джентльменов – отчего у них красный нос и всегда ли он у них был такого цвета.

Бывают в пьесах такие положения, когда лучше не вдаваться в подробности происхождения ребенка; но именно тут-то и оказывается, что этому пострелу, в котором живет дух противоречия, совершенно необходимо вдруг в разгаре званого вечера выяснить, кто его отец!

Все обожают ребенка на сцене. Каждый по очереди прижимает его к груди и проливает над ним слезы.

Никому – на сцене, конечно, – ребенок не надоедает. Никто не велит ему «заткнуться» или «убраться вон». Никто никогда не даст ему подзатыльника. Когда обыкновенный ребенок бывает в театре, он замечает все это и, конечно, преисполняется зависти к ребенку на сцене.

Зрители души не чают в ребенке на сцене. Его наивность исторгает у них слезы, его трагедия хватает их за сердце, а полные пафоса речи, которые он произносит, – например, кто посмеет обидеть его мать, будь то злодей, полицейский или еще кто-либо, – взбудораживают их, словно звуки трубы; а его невинные шутки по всеобщему признанию считаются образцом истинного юмора в драматическом искусстве.

Но есть люди, настолько странно устроенные, что они не понимают ребенка на сцене, не сознают его пользы, не чув-

ствуют, как он прекрасен. Не будем возмущаться такими людьми. Лучше пожалеем их.

Я знал человека, который страдал таким недостатком. Он был женат, и судьба оказалась к нему очень милостивой, очень щедрой: она наградила его одиннадцатью детьми, и все до одного пребывали в добром здравии. Самому маленькому было одиннадцать недель от роду, близнецам шел пятнадцатый месяц, и у них уже прорезывались коренные зубы. Младшей девочке было три года, мальчикам – их было пятеро – соответственно семь, восемь, девять, десять и двенадцать лет. Хорошие мальчуганы, но... сами знаете, мальчишки есть мальчишки. Мы и сами были такими. Две старшие девочки, по словам матери, были очень милые, только, к сожалению, часто ссорились. Более здоровых ребятишек я не встречал. В них было столько энергии, жизнерадостности!

Однажды вечером мы зашли к моему приятелю. Он был очень не в духе.

Дело было в каникулы, погода стояла сырая, и он сам и дети целый день сидели дома. Входя в комнату, мы услышали, как он говорил жене, что, если каникулы скоро не кончатся, а близнецы не поторопятся со своими зубами, он уйдет из дому и не вернется. Больше он не в состоянии выдержать этот содом.

Жена отвечала ему, что не видит никаких причин для недовольства. Она уверена, что ни у одного отца нет детей с таким добрым сердцем.

Ему наплевать на их сердце, возразил наш друг. Их ноги, руки, легкие – вот что сводит его с ума.

Он сказал, что пойдет с нами немного прогуляться, иначе он опасается за свой рассудок.

Он предложил пойти в театр, и мы направились на Стрэнд. Закрыв за собой дверь, наш друг сказал, что мы не можем себе представить, какое облегчение на время избавиться от этих сорванцов. Он, право же, очень любит детей, но считает, что человеку не следует иметь слишком много даже того, что он очень любит. Он пришел к выводу, что быть с детьми двадцать два часа в сутки достаточно для кого бы то ни было. Больше, до возвращения домой, он не желает видеть ни единого ребенка, не желает слышать даже звука детского голоса. Ему хотелось бы забыть, что на свете вообще существуют дети.

Мы добрались до Стрэнда и зашли в первый попавшийся театр. Поднялся занавес, и нашим взорам представился ребенок; он стоял на сцене в ночной рубашке и громко звал мать.

Наш друг взглянул на него, что-то произнес и бросился вон. Мы за ним. Пройдя немного, мы завернули в другой театр.

Здесь на сцене было двое детей. Несколько взрослых стояли возле них и, согнувшись в почтительных позах, внимали им. Похоже было, что дети что-то проповедуют.

Проклиная все на свете, мы опять обратились в бегство и

направились в третий театр. Но там были только дети. Чья-то детская труппа давала не то оперу, не то пантомиму, не то еще что-то в этом роде.

Наш друг объявил, что больше он не пойдет ни в один театр. Он слышал, что существуют какие-то мюзик-холлы, и стал просить нас сводить его туда, но не говорить об этом жене.

Расспросив полисмена, мы узнали, что действительно есть такие заведения, и повели нашего друга в мюзик-холл.

Первое, что мы увидели там, – это два маленьких мальчика, выделяющих какие-то трюки на перекладине.

Наш друг уже собрался было повторить тот же прием: выругаться и обратиться в бегство, но мы удержали его. Если он немного потерпит, уверяли мы, он, без сомнения, увидит взрослых артистов. Он высидел номер с мальчиками и еще один, с их маленькой сестренкой на велосипеде, и стал ждать следующего.

Но следующим оказался какой-то вундеркинд, который пел и танцевал в четырнадцати разных костюмах. Мы опять бежали.

Наш друг заявил, что идти домой в таком состоянии он не может: он убьет близнецов. Поразмыслив немного, он решил пойти послушать музыку. Ему кажется, сказал он, что музыка могла бы успокоить и облагородить его душу – она заставила бы его почувствовать себя христианином, чего в данный момент он не ощущает.

Мы были недалеко от Сент-Джеймс Холла и решили зайти туда.

Зал был переполнен, и мы с трудом пробрались к нашим местам. Наконец мы уселись и обратили взоры к эстраде.

«Чудо, мальчик-пианист-всего десяти лет!» давал свой концерт.

Наш друг поднялся и сказал, что все кончено, что лучше он пойдет домой. Мы спросили, не хочет ли он зайти еще куда-нибудь поразвлечься, но он ответил, что не хочет. По сути говоря, сказал он, для человека, у которого есть одиннадцать собственных детей, ходить в наше время куда-нибудь развлекаться – это пустая трата денег.

КРЕСТЬЯНЕ

Они такие чистенькие. Нам приходилось видеть крестьян в жизни, обычно они неопрятны, а некоторые просто до неприличия грязны. Крестьянин же на сцене выглядит так, что можно подумать, будто он весь свой заработок тратит на мыло и помаду для волос.

Они всегда где-нибудь поблизости, за углом, или, вернее, за двумя углами; они выходят на сцену двумя группами и сходятся на середине, а дойдя до нужного места, улыбаются.

Что может сравниться с улыбкой крестьян на сцене! У кого еще вы увидите столь абсолютно бессмысленное и умильно идиотское выражение лица. Они такие счастливые! Они совсем не похожи на счастливых людей, но мы знаем, эти крестьяне счастливы, потому что они сами так говорят. В подтверждение своих слов они танцуют: три шажка направо, три – налево. Они не могут не танцевать, ведь они так счастливы! Когда крестьянам особенно весело, они становятся в полукруг, кладут руки друг другу на плечи и до тошноты раскачиваются из стороны в сторону. Но так они веселятся, только когда уже совсем не в силах сдержать своей радости.

Крестьяне на сцене никогда не работают. Иногда мы видим, как они идут на работу, иногда – как возвращаются с работы, но еще никто никогда не видел их за работой. Они не могут позволить себе работать – ведь они измажут свою

одежду.

Они очень душевные люди, эти крестьяне на сцене. У них, кажется, никогда нет своих собственных забот, но отсутствие собственных забот возмещается тем, что они проявляют интерес в триста лошадиных сил к делам, не имеющим к ним никакого отношения. Что особенно возбуждает их интерес – это сердечные дела героини. Они могут слушать об этом целый день. Крестьяне жаждут узнать, что сказала ему она и что ответил ей он, и они повторяют это друг другу.

Вы сами, когда бывали влюблены, несомненно пересказывали вашим знакомым все трогательные беседы между вами и вашей возлюбленной, но друзья ваши обычно не проявляли к этому особого интереса. Более того, постороннему человеку могло показаться, что вашим друзьям надоело вас слушать. И, прежде чем вы успевали рассказать даже четверть того, что хотели, ваш собеседник норовил улизнуть от вас под тем предлогом, что ему обязательно надо было встретиться с кем-то или спешить на поезд. О, как часто в те дни вам не хватало сочувствия крестьян со сцены! Они уселись бы в кружок, стараясь не пропустить ни слова из вашего волнующего рассказа, они радовались бы вместе с вами и подбадривали вас смехом и выражали сочувствие печальным «О!», а почувствовав, что они вам надоели, они бы ушли, напевая песню о том, что слышали.

Между прочим, крестьянам на сцене свойственна эта замечательная черта характера – быстро и беспрекословно

подчиняться малейшему желанию любого из героев.

– Оставьте меня, друзья мои, – говорит героиня, собираясь прослезиться, и не успевает она отвернуться – крестьяне уже исчезли: половина направо, очевидно направляясь к заднему ходу пивной, половина налево, и видно, как они прячутся там за водокачкой, в ожидании, пока не понадобятся еще кому-нибудь.

Крестьяне на сцене говорят мало; их основное назначение – слушать. Когда они уже не могут узнать ничего нового о сердечных делах героини, они любят, чтобы им рассказывали длинные и запутанные истории о том, как много лет тому назад причиняли зло людям, о которых крестьяне и понятия не имеют. Они слушают с таким видом, будто все понимают и легко разбираются в этих историях. Зрители явно завидуют такой их способности. Но уж если крестьяне на сцене заговорят, они быстро наверстывают упущенное время. Они начинают все сразу и так неожиданно, что зритель буквально ошеломлен. Все говорят. Никто не слушает. Понаблюдайте за любой парой. Оба стараются говорить как можно громче. Они достаточно наслушались других – нельзя же требовать, чтоб они слушали друг друга. Но беседовать в таких условиях, должно быть, затруднительно. А как они ухаживают! Так нежно! Так идиллически!

Мне доводилось видеть, как ухаживают крестьяне в жизни, и я всегда замечал, что у них исключительно трезвый и простой подход к делу – это было чем-то похоже на флирт

парового катка с коровой. Но на сцене это выглядит так воздушно! У нее коротенькие юбочки, и чулочки гораздо чище, и они лучше сидят, чем на крестьянках в жизни, и сама она лукава и застенчива. Она все время отворачивается от него и заливается серебристым смехом. А он румяный и кудрявый, в такой красивой жилетке! Как же ей не полюбить его! Он такой нежный и преданный. Он обнимает ее за талию, но она увертывается, обегает его и подходит с другой стороны. О, как это очаровательно!

Крестьяне на сцене любят ухаживать у всех на глазах. Некоторые люди мечтают об укромном месте для свидания, где никто не помешает им. Я сам принадлежу к таким людям. Но крестьянин на сцене – более общительная натура. Ему для ухаживаний подавай лужок перед пивной или площадь в базарный день.

Эти крестьяне на сцене – чрезвычайно преданный народ. Никакого обмана, никакого непостоянства, никаких нарушенных обещаний. Если в первом действии кавалер в розовом ухаживает за дамой в голубом, то в последнем – розовый и голубая поженятся. Он остается верным ей, а она ему на протяжении всей пьесы.

Девушки в желтом могут приходить и уходить, девушки в зеленом могут смеяться и танцевать – кавалер в розовом не замечает их. Его цвет – голубой, и он не покидает его ни на минуту. Он стоит рядом с дамой в голубом и сидит рядом с ней. Он пьет с ней, улыбается ей, смеется с ней, танцует

с ней, выходит на сцену с ней, уходит с ней. Когда наступает время говорить, он говорит с ней, и только с ней, и она говорит с ним, и только с ним. Поэтому у них и нет ни ревности, ни ссор. Но нам бы хотелось, чтоб в их отношениях было какое-то разнообразие.

В деревнях на сцене нет женатых и поэтому, конечно, нет детей (счастливое местечко! Эх, найти бы такое, да провести там месяц!). На сцене во всех деревнях одинаковое количество мужчин и женщин, все они примерно одного возраста, и каждый молодой человек влюблен в какую-нибудь девушку. Но они никогда не женятся. Они много об этом говорят, но никогда этого не делают. Хитрые бестии! Они слишком хорошо видят, что из этого получается у героев пьесы.

Крестьянин на сцене любит выпить. И когда он пьет, ему хочется, чтоб все об этом знали. Вы обычно спокойно выпиваете свои полпинты в баре, но его это не устраивает. Он любит выйти с кружкой на улицу и пить о ней и проделывать всякие трюки: например, перевернуть ее себе на голову.

Но заметьте, несмотря на все это, он пьет весьма умеренно. Его нельзя назвать пьяницей. Обычно он выпивает одну маленькую кружку эля, не больше.

У крестьянина на сцене очень развито чувство юмора, и его легко развеселить. Его даже немножко жалко, когда видишь, как он буквально покатывается со смеху от самой невинной шутки. О, как бы такой человек оценил настоящую остроту! Может быть, когда-нибудь он и услышит ее! Одна-

ко настоящая острота, вероятно, убьет его!

Постепенно вы начинаете любить крестьянина на сцене. Он такой добрый, такой по-детски наивный, такой неземной. Он воплощает в себе идеал христианства.

СТАРИЧОК

Он потерял жену. Но ему известно, где она: среди ангелов! Она не ушла совсем, потому что у героини ее волосы.

– Ах, у тебя волосы, как у твоей матери! – Старичок ощупывает голову дочери, стоящей перед ним на коленях. Присутствующие утирают слезу.

Все на сцене о нем самого лучшего мнения, однако дальше первого действия его не терпят. Обычно он умирает в первом действии.

Если нет уверенности, что он умрет без посторонней помощи, его убивают. Не везет этому старому джентльмену. К какому бы делу он ни пристроился, оно обречено на провал. Если он управляющий или директор банка, то еще до конца первого действия банк вылетает в трубу. Именно его фирма всегда бывает на грани краха. Если вы узнаете, что старичок вздумал поместить все свои сбережения в какую-нибудь компанию, можете с уверенностью предсказать ее банкротство, даже если эта компания всегда считалась солидной и процветающей.

И нет силы на земле, способной спасти эту компанию после того, как старичок стал ее акционером.

Представьте, будто мы живем в пьесе и приглашены участвовать в финансировании некоего предприятия. Начать нужно с вопроса: «Старичок участвует?» Если да, то и говорить

не о чем.

Иногда старичок доводится кому-нибудь опекуном, это помогает ему дольше сопротивляться нападкам судьбы. Отважный он человек: не падает духом и продолжает борьбу, пока тянутся денежки, вверенные его попечению. Он не сдастся до последнего пенни.

И вдруг его осеняет: ведь неизвестно, как истолкуют окружающие то, что он столько лет купался в роскоши на чужие деньги. Люди – эти пустые, бездушные люди – могут объявить, что это мошенничество, и станут обращаться с ним, как с зяядлым жуликом.

От подобных мыслей старичку не по себе.

Но, право же, обществу не следует на него ополчаться. Мы убеждены, что нет в мире другого человека, столь горящего желанием возместить убытки (немедленно после разоблачения); чтобы исправить дело, старичок с удовольствием пожертвует счастьем дочери и выдаст ее замуж за злодея. А у злодея, между прочим, в карманах хоть шаром покати. Где там вызволять из беды других, он и собственные-то долги не в состоянии заплатить. Этого старичок не сообразил.

Тщательно изучив характеры персонажей, мы умозаключили, что старичок – это состарившийся театральный герой. Есть в нем что-то от простака, от беспомощного идиота, от раздражающего своей тупостью кретина, чем он необычайно смахивает на героя.

Сдается нам, что именно в такого старичка суждено пре-

вернуться герою. Возможно, мы ошибаемся, но таково наше мнение.